

Карл фон Руланд

**ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕНЕ В РОССИИ
И ВОЙНАХ КАРЛА XII (1709–1714)**

**Предисловие, перевод с шведского
и примечания Ю. Н. Беспятых**

Ровно 300 лет тому назад состоялась Полтавская битва, определившая победный для России исход Северной, или, как ее называют в зарубежной историографии, Великой Северной войны 1700–1721 гг. и надолго приведшая в нашу страну множество шведских офицеров и солдат. Беззавишю 27 июня¹ из-под стен Полтавы армию Карла XII вскоре настигла на Днепре у местечка Переволочна конница светлейшего князя А. Д. Меншикова и князя М. М. Голицына. 30 июня шведское командование подписало капитуляцию, и лучшая тогда в Европе армия перестала существовать — свыше 16 тысяч человек оказались в плену.

Довольно многие участники русского похода оставили свои дневники, записки, воспоминания об армейском быте, о пережитых сражениях, в том числе Полтавском, и о пребывании в русском плену до заключения мирного договора между Россией и Швецией (1721). Наша отечественная историография до сих пор учитывает в своем обиходе лишь малую толику чрезвычайно содержательных, часто уникальных сведений, оставленных такими шведскими авторами².

Одно из сочинений принадлежит майору Карлу фон Руланду (1684–1761). «Воспоминания о плене в России и войнах Карла XII» он написал спустя многие годы после Северной войны — по предположению их публикатора С. Э. Бринга, в начале 1740-х годов. На языке оригинала (шведском) издан не подлинник, судьба которого неизвестна, а список неясного происхождения, отложившийся в стокгольмской Королевской библиотеке³.

© Ю.Н. Беспятых, предисловие, перевод и примечания, 2009

Драгун К. Руланд в лейтенантском чине воевал под началом короля с 1704 г. О последующих двенадцати годах его жизни сказано сообщу, опираясь на текст самого мемуариста.

В трагическом для шведов сражении 27 июня он охранял лежавшего на носилках раненного государя и потом близ Переволочны разделил судьбу всей его армии. Группа офицеров, в которой находился К. Руланд, была отправлена сначала в Чернигов, а затем в Москву, по которой 21 декабря 1709 г. царь Петр триумфально провел поверженное войско⁴.

Вскоре тысячи шведских офицеров были расселены по разным местностям европейской и азиатской России. К. Руланду выпал древний, известный с XIII в. город Галич. Прожив там три года, швед выпросил у местного воеводы двухмесячный отпуск в Москву, откуда посредством остроумных уловок бежал в Архангельск и затем после долгих месяцев плавания — через Ливорно, Геную, Марсель, Гамбург — высадился в Штральзунде и вновь стал служить в драгунском полку. Затем было тяжелое ранение, опять плавание — через Любек, Гамбург, Амстердам — с целью добраться до Гётеборга, и опять плен, теперь уже датский. Попытка бегства и на сей раз оказалась удачной — в ноябре 1716 г. скитаниям пришел конец; К. Руланд сошел на берег в Стокгольме. Возведенный шведским монархом Фредриком I в дворянское достоинство (1720), он со следующего года продолжил военную службу, уже в мирных условиях⁵.

Приблизительно третья (последняя) часть текста, посвященно-го пребыванию будущего мемуариста в России и бегству через Архангельск, опубликована на русском языке⁶. Здесь же я помещаю фрагмент воспоминаний о жизни в Галиче, освещающих интереснейшие подробности быта и нравов провинциального города, условия, в которых жили пленные офицеры, и их взаимоотношения с представителями местной администрации. Особую ценность мемуарам придает то обстоятельство, что К. Руланд, как это повсеместно следует из его текста, овладел разговорным русским языком и без затруднений общался с нашими соотечественниками. Это позволило ему сообщить своим читателям интересные сведения, которые в противном случае были бы для нас безвозвратно утрачены. Сведения эти не удастся проверить по русским источникам, поскольку таковые неизвестны. Однако очевидно, что изложенное шведом невозможно было и выдумать.

В квадратные скобки помещены слова, отсутствующие в оригинале, но необходимые для правильного понимания смысла. В круглые скобки — написанные автором латиницей слова, обозначающие российские реалии.

... Когда пришло время (после того как в приказе (precasen) завершили распределение), большинство из нас рассеяли по всей России. Меня вместе с офицерами общим числом 100 человек — капитанами, лейтенантами, корнетами, священником и несколькими адъютантами отправили в город под названием Галич (Galitz) в 110 милях⁷ от Москвы под надзор тамошнего воеводы (wojwod) по имени Алексей Яковлевич (Alexie Jacloritz), [под началом] у которого были другие разные малые воеводы в иных городах этого дистрикта⁸. То был довольно-таки алчный человек, изобретавший всяческие поводы обобрать нас, а в особенности тех, кто, как ему удавалось разузнать через своих многочисленных слуг и рабов, еще что-то имел. Мне он различными способами старался досаждал квартирой, ибо как только я занимал маленькое жилье в одном месте, мне приходилось иногда через восемь, иногда через 14 дней, а порой спустя два месяца переезжать на другое, и это причиняло мне порядочные неудобства, тем более что, как говорит пословица, дом меняют не чаще, чем теряют корову. И я дал воеводе золотой дукат с условием, что буду спокойно жить у одного писца (skrifware) в его собственном доме; тот был рад принять меня, если я на свои средства велю выложить в горнице (gordniska) изразцовую печь. (То была холодная, или летняя комната, отделенная от его с женой комнаты.) Воевода пообещал, заверив, что не станет меня тревожить, но держал обещание не долее, чем до следующей зимы, когда я хорошо все там обустроил. Дело в том, что в Галич приехал один стольник (stolnick) со своей женой и многочисленными нагруженными багажом санями. Он был назначен туда царем (zahap⁹) для присмотра за воеводой. Поскольку стольник несколько заранее прислал воеводе известие о своем приезде, дабы тот позаботился о квартире, воевода и указал ему на мою как на самое лучшее и удобное в городе жилье, и, таким образом, стольник в 9 часов утра прибыл на двор со всеми своими нагруженными багажом санями, а воевода тем временем через урядника (uradnik) (это такой офицер, который обучает новонабранных рекрут перед отправкой в армию, их в городе тогда было 300) приказал мне освободить мою квартиру для стольника. Но я ответил, что не сделаю этого, так как сам на нее потратился, однако о дукате умолчал. Получив мой ответ, воевода еще раз прислал [урядника] передать, что если я не подчинюсь добром, то он знает хороший способ выставить меня худом. На это я передал ему ответ, что ему придется потрудиться сделать

то, чего он не может приказать, тем более что добром переезжать я не намерен. С тем урядник опять отправился к воеводе. Хорошо осознавая, что за этим должно последовать нечто особенное, я послал к нескольким жившим по соседству офицерам с просьбой тотчас же прийти ко мне, что они и сделали. Я коротко изложил им суть дела, и они пообещали поддержку.

Тем временем стольник и его жена сидели в большой комнате хозяина; войдя туда, я рассказал стольнику о постоянных придирках ко мне воеводы; потом мы поговорили о другом и [вскоре] сделались с ним добрыми друзьями и почти так же — с его женой.

Около полудня урядник привел 300 новобранцев при двух мушкетах и выстроил на улице перед окнами. Тогда я открыл все мои окна, мы встали в них и смотрели на солдат в ожидании, что предпримет урядник. Стольник с женой порядочно напугались, так как были уверены, что произойдет стычка, но я заверил их, что если такое и случится, то ни им и никому из их людей и багажу не будет причинено ни малейшего вреда, и затем велел закрыть ворота. Урядник угрожал штурмовать дом, а я, показывая наши дубинки, приглашал его расстараться. Все это без кровопролития продолжалось приблизительно до наступления сумерек. Тогда урядник отправился к воеводе и доложил ему, что мы намерены драться. Воевода тотчас вместе с урядником прислал еще дьяка (diak) с предложением переехать на другую квартиру, которую воевода определенно и не хотел, и не мог обеспечить, тем более что во всем городе не было столь удобного и без курных помещений дома, как это устроенное мною жилье. Но воевода прислал ко мне из приказа самого старшего писца с запряженной в сани лошадью; писец предложил последовать за ним в замок¹⁰ к воеводе, что я и сделал, но прежде попросил своих товарищей до моего возвращения ни в коем случае не уступать комнату, так как может статься, что воевода посадит меня под арест. Они мне это твердо пообещали.

Войдя в большой зал, где воевода обычно давал аудиенцию, я увидел там много старых бояр (bojareg), дворян (dwornikar), писарей (pissars) и т. д. Воевода ненадолго повернулся к окну, затем, крестясь, к богам¹¹ и, повернувшись ко мне, сказал: “Я слышал, ты хочешь драться”. Я ответил, что никого еще не побил, но тот, кто попробует побить меня, получит тренку. Однако всему городу известно, что я вообще никого не обижаю. На этот мой ответ некото-

рые из присутствующих (не знаю, кто именно) сказали: “смирный человек” (smirna jolowick). Затем воевода спросил, почему я так строитив и не хочу подчиниться его приказу. Я ответил, что буду подчиняться всем его справедливым приказам, но не стану этого делать, когда он поступает со мной столь несправедливо. Поскольку он знал, что за упомянутый дукат обещал не беспокоить меня более переездами, а также что я с помощью хозяина улучшил горницу (gornitzen) и выложил изразцовую печь, причем на собственные средства, то он спросил, во сколько это обошлось. Я ответил: в пять рублей; это было, впрочем, суммой минимальной. Он вытащил кошелек и велел самому старшему писцу отсчитать мне пять рублей. Затем осведомился, хочу ли я теперь уступить хорошую квартиру. “Да, — сказал я, — но не прежде, чем ты дашь мне другую”. “Где ты хотел бы поселиться?” — спросил он. Тогда я предложил [дом] горожанина у реки, в котором, как мне было известно, имелась горница, но холодная, вообще без печи, ибо я никогда не чувствовал себя хорошо в их больших комнатах с бесчисленными тараканами (turkaner). Едва я назвал упомянутую квартиру, как воевода тотчас послал двух денщиков с приказом известить горожанина, что я буду жить у него.

Прощаясь с воеводой, я попросил двое саней для перевозки имущества на новую квартиру, вернулся к моим товарищам и рассказал о происшедшем. Поскольку мое возвращение затянулось до позднего вечера, они было уже подумали, будто я арестован, и созвали еще нескольких товарищей, намереваясь не уступать, пока меня не выпустят. Но теперь они разошлись по своим квартирам, а я велел двум моим слугам сразу отнести пожитки в сани и покинул комнату со всей вежливостью по отношению к дьяку, [стольнику] и его жене, которые казались весьма ко мне расположенными.

Когда я подошел к отведенному мне дому, его хозяин запер ворота и не пожелал открыть, невзирая на мой стук. Мне пришлось велеть рубить их, ведь уже наступала ночь. Войдя во двор, я хотел зайти в дом, но дверь в сени оказалась запертой. На мой стук не открыли, хотя никто еще не спал. Тогда я приказал рубить дверь. Войдя в сени, обнаружил запертыми двери и в горницу, и в комнату, где находились хозяин, его жена и слуги. Постучав в дверь, я крикнул хозяина, но, не получив ответа, пригрозил изрубить ее. Только тогда вышел хозяин с ключом от горницы, расположенной напротив комнаты, и мои вещи были перенесены.

Наутро хозяин посетил воеводу с жалобой на то, что я учинил насилие над домом, и воевода послал за мной. Когда я вошел, он, как и прежде, повернулся к своим богам и пожаловался, что у него со мной хлопот больше, чем со всем воеводством (wojwodskap). Он спросил меня, зачем я учинил столь большое насилие над домом. В ответ я спросил, посылал ли он хозяину известие о том, что я буду стоять у него на квартире. “Да”, — сказал он. “Прекрасно, — сказал я. — Вот я и воздал тебе таким манером честь, ибо явилось бы оскорблением твоей власти, если бы такой мужик осмелился не повиноваться начальству, такому высокому господину, как ты, и воспротивиться твоему приказу. Ведь он, услышав от твоих денщиков (denchikar) о твоем приказе мне перейти к нему на квартиру, тут же запер ворота и двери и не открывал на мой вежливый стук и на голос. Что же мне оставалось делать?” После этого воевода приказал привести хозяина и дать ему батогов (rodogg), а мы с воеводой на короткое время сделались добрыми друзьями, и он иногда по вечерам, завершив свои дела, посылал за мной и угощал медом и водкой (miöd och bränwin). Однако дружба продолжалась недолго.

Когда я жил у этого человека¹², у самого дома через город протекал ручей, впадающий в довольно большое и богатое рыбой озеро¹³, которое недавно покрылось льдом — только у берега, но на довольно большом протяжении, причем таким крепким, что рыбаки могли тянуть зимний невод.

Дабы как-то развеять скуку, некоторые офицеры, в юности научившиеся кататься на коньках, велели изготовить себе по паре, и я в том числе. Мы катались, и вышло так, что я убежал дальше по более чистому льду, не зная, что он установился только прошлой ночью, и посередине озера провалился в воду. Мои товарищи это, конечно, увидели, но так как никто из них не отважился приблизиться ко мне настолько, чтобы помочь, я долго пробыл в воде, лишь держась за лед руками, пока господин лейтенант Пинелло¹⁴ не подошел достаточно близко, что я смог попросить его сбегать к рыбакам за длинным шестом, каким пользуются при зимней ловле рыбы неводом. Он потихоньку подвигал шест ко мне, чтобы я смог ухватиться за его конец зубами. Так и было сделано, и я выбрался на лед.

Эту квартиру я занимал недолго, пришлось перебраться в пустой маленький дом вместе с лейтенантом по фамилии Ваккхольс.

За время, что я там жил, мы с двадцатью офицерами сговорились о тайном побеге и для этого купить себе летом по лошади. Постепенно запасались провиантом, пряча его в кустах за городом; туда же один из участников нашего заговора положил несколько тонких рубашек. Но прежде чем дошло до самого дела, весь план узнал один бывший среди нас адъютант, которого кто-то, не знаю, кто именно, ввел в компанию за превосходное знание [русского] языка. Как раз когда должно было осуществиться предпринятое, он нас предал, донеся воеводе, и в подтверждение своих слов, взяв с собой несколько денщиков (*denschikar*) воеводы, пошел к тому месту за городом, где хранились все наши запасы, и все это было доставлено господину. Адъютант назвал всех участников заговора, и все мы были приведены в приказ. К несчастью, вышло так, что когда русские пришли к одному корнету, денщики, производя тщательный обыск, в кровати под соломой обнаружили два ружья. Поскольку предатель, без сомнения, знал об имевшихся у корнета ружьях, у него и искали тщательней.

Придя в приказ, мы заняли внутреннюю комнату, где обычно сидит за решением важных дел воевода, но корнету пришлось довольствоваться обществом других, русских, узников во внешней комнате. Мы таким образом провели взаперти несколько дней, утверждая через дьяка (контора которого находилась в комнате, где содержали русских арестантов), что воевода запер нас безвинно. Он же как найденным в лесу, так и оружием у корнета хотел доказать, что мы, к его великому несчастью, намеревались бежать. Желая услышать правду из собственных уст корнета, воевода решил на русский манер выпороть его кнутом (*knut*). Об этом я узнал от караульного солдата, которому время от времени давал несколько копеек (*сорекег*). Но корнет, узнав про это, совсем упал духом и дал понять, что ему придется во всем сознаться, а это было для нас худо. Поэтому я вышел (а нам было строго запрещено с ним разговаривать) и уверил его, что до этого ни в коем случае не дойдет, хотя его и приведут на конюшню, расположенную прямо под нашими окнами. Наконец с наступлением утра, назначенного воеводой для этого позорного дела, я карандашом написал записку капитану барону Кройтцу с просьбой спешно собрать несколько наших товарищей, и когда воевода будет на конюшне со своими подручными и корнетом, внезапно ворваться в дверь.

Все так и произошло. Они как раз собирались раздевать корне-

та. Воевода чрезвычайно перепугался, и не только такому быстрому и неожиданному нападению, но также нашим вопросам: каковы, по его мнению, будут последствия распоряжения о наказании кнутом шведского офицера. Не будет ли это стоить воеводе жизни, если такое дойдет до царя (zaren), а кроме того, не прикажет ли король Карл в ответ на это отвратительное злодеяние забить до смерти всех [пленных] русских генералов в Швеции. И что офицер, подвергшийся столь позорному наказанию, уже никогда более не будет принят в обществе честных людей. На это воевода ответил, что если кто-то из русских получает кнута, он остается таким же честным, как прежде, и т. д. Воевода был рад, что легко отделался, и пошел домой, отпустив все же корнета под арест вместе с нами и пригласив наших офицеров с собой в замок, где начались переговоры о нашем освобождении, но никакого соглашения достичь не удалось. И нам пришлось просидеть взаперти еще несколько недель, несмотря на то, что воеводе хотелось освободить комнату. Но и понятно было, что прежде он желал бы получить в подарок серебро или золото, а мы и не помышляли этого делать, тем более что были очень бедны, так как не получали никаких средств ни от русских, ни из Швеции. Нам даже не было дозволено вести какую-либо переписку, благодаря которой тот или иной мог бы получать деньги из дома от своих родственников. И многие уже были вынуждены продать свою одежду, а для прикрытия наготы имели одну только овчинную шубу.

Наконец воевода объявил, что если все поручатся за каждого и каждый за всех, он нас выпустит. Но поскольку подобное нам не приличествовало, решили, что [каждые] пять и пять человек поручатся друг за друга, и если убежит один, остальные за него страдают. Вся наша компания так и поступила, кроме меня, и поэтому никто не пожелал за меня ручаться, предполагая, что в конце концов я принесу им беду, хотя у меня никогда и в мыслях не было причинить кому-либо из наших малейший вред или несчастье.

Вот так все мы вышли. Затем воевода через урядника строго приказал всем, у кого были лошади, продать их. Одни последовали приказу, а другие нет, и тогда он велел передать, что у тех, кто не избавится от лошадей, он их отнимет даром. Поэтому офицерам пришлось продать их за полцены, но я все же остался единственным, сохранившим лошадь, я оставил ее у жившего по соседству с моей квартирой кожевника по имени Макар Никифорович (Макар

Mikiwoowitz). Мы с кожевником были добрыми друзьями, тем более что порой я у него, а порой он у меня занимал деньги, нужные для покупки сырых кож...¹⁵

¹ Важно не упускать из виду, что Швеция жила по старому стилю (юлианскому календарю), но в 1700 г. король Карл XII повелел исключить добавочный день високосного года (29 февраля), и шведский календарь стал опережать юлианский на один день. Так продолжалось до 1712 г., когда за 29 февраля последовало 30 и королевство вернулось к прежнему календарю (Sveriges historia från äldsta tid till våra dagar. Stockholm, 1881. D. IV. S. 542, fn. 1). Поэтому шведские источники и литература датой баталии при Полтаве называют 28 июня.

² См. обзор источников и литературы в кн.: *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 6–9, 31–33.

³ *Roland C., von. Minnen från fångenskapen i Ryssland och Karl XII:s krig / Utgifna af S. E. Bring. Stockholm, 1914.*

⁴ См. описание этого торжества в «Записках князя Бориса Ивановича Куракина: 1709–1727» (Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 214–215), а также в дневнике иностранного дипломата: *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом / Пер. с датского Ю. Н. Щербачева // *Лавры Полтавы / Составление, послесловие, указатель имен, глоссарий В. П. Наумова. М., 2001. С. 104–109, 111.* Ю. Юль поместил свое свидетельство под 1 января 1710 г. (по григорианскому календарю).

⁵ О дальнейшей судьбе К. фон Руланда см.: *Bring S. E. Majoren och riddaren Carl von Rolands biographie // Roland C., von. Minnen... S. V–VII.*

⁶ Похождения шведского офицера в России (1714 год) / Вступ. статья, перевод с шведского и примечания Ю. Н. Беспятых // *Lettre internationale = Всемирное слово: Международный журнал. 2002. № 15. С. 82–89.*

⁷ Очевидная ошибка или опечатка: речь идет о Галиче, ныне находящемся в Костромской области и отстоящем от Москвы на 473 км к северо-востоку. Шведская (ок. 10 км), немецкая (ок. 7,5 км), русская (ок. 7,5 км) мили в пересчете дают гораздо большие числа.

⁸ Галичского уезда. — См.: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. Приложения. Схемы уездов России конца XVII — начала XVIII в. С. 250.

⁹ Скорее всего, это случай неверного чтения; как правило, К. фон Руланд вполне точно передает латиницей русские слова.

¹⁰ В тексте: slottet; имеется в виду крепость.

¹¹ К иконам.

¹² «В рукописи [далее] явно пропущена одна или несколько фраз». — Подстрочное примечание С. Э. Бринга (*Roland C., von. Minnen... S. 13, fn.**).

¹³ Галичское озеро (площадь 75,4 кв. км, длина 17 км).

¹⁴ Сведения об этом и о других упоминающихся ниже соотечественниках К. фон Руланда см.: *Berg S. E. Anmärkningar // Roland C., von. Minnen... S. 120. № 27, 28, 30.*

¹⁵ *Roland C., von. Minnen... S. 9–16.*

KARL VON ROLAND. MEMOIRS OF BEING A PRISONER OF WAR IN
RUSSIA AND OF KARL'S XII WARS (1709–1714)

A part of the memoirs of the Swedish officer who was taken prisoner after the Battle of Poltava (1709) is published here in Russian translation. His memoirs contain unique account of life and customs in a provincial town of Galich. The life of prisoners and their relations with the local administration and residents are described. The publication contains Introduction with K. von Roland's short biography; the essential comments are supplemented.